

**ОТЗЫВ официального оппонента
на (о) диссертацию(и) на соискание ученой степени
кандидата юридических наук Егоровой Варвары Юрьевны
на тему: «Правовое регулирование возмещения вреда жизни и здоровью,
причиненного в процессе трудовой деятельности»»
по специальности 5.1.3 Частно-правовые (цивилистические) науки**

Как совершенно справедливо отмечает В.Ю. Егорова, значительный рост числа и уровня опасностей в труде, уязвимость человека перед техникой, тем более сложной техникой, приводит к неизбежному увеличению риска производственного травматизма. При этом как в нормативном регулировании связанных с этими процессами отношений, так и в правовой доктрине, несмотря на значительный интерес к этой проблеме, о чем свидетельствует множество исследований, остаются неразрешенные или неудовлетворительно решенные вопросы. Такое положение вещей определяет актуальность темы проведенного диссертационного исследования.

Большинство положений диссертационного исследования В.Ю. Егоровой, а также выносимых на защиту выводов, свидетельствующих о научной новизне исследования, следует поддержать.

Прежде всего, обращает на себя внимание тот прием, который использует В.Ю. Егорова, начиная исследование конкретных вопросов с определения своей позиции по наиболее принципиальным положениям теоретического характера. Так, целый параграф посвящен подробному анализу подходов к определению гарантий и компенсаций, существующих в отечественной науке в отечественной науке трудового права. Такой анализ необходим для того, чтобы обосновать важный вывод о том, что возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью работника, является *основным элементом* содержания гарантий и компенсаций при несчастном случае на производстве (п. 2 положений, выносимых на защиту), а также предложить авторскую классификацию гарантий и компенсаций при несчастном случае на производстве (с. 91), которая использована как обоснование дальнейшей структуры работы.

Подобным же образом анализируются и вопросы ответственности: исследованию проблемы видов ответственности работодателя за вред, причиненный здоровью работника, предшествует общетеоретический анализ юридической ответственности с позиций общей теории права и цивилистической науки (с. 170-173). Правда, в связи с этим можно было бы упрекнуть В.Ю. Егорову в том, что она обошла вниманием концепцию ответственности, сложившуюся в трудо-правовой науке, что следовало сделать хотя бы потому, что, как неоднократно упоминается самим автором, именно работодатель несет ответственность за вред, причиненный здоровью работника, и эту ответственность имеет трудо-правовую природу (п. 6 положений, выносимых на защиту).

К числу бесспорных достоинств работы следует отнести также и подробный анализ международно-правовых норм в исследуемой сфере. При этом автор делает важный вывод о том, что закрепленный в международно-правовых актах принцип создания культуры превенции и профилактики несчастных случаев на производстве нашел отражение и в современных исследованиях вопросов охраны труда и производственного травматизма в России; более того, это рассматривается российским законодателем и как принцип, и как направление государственной политики в области охраны труда (п. 4 положений, выносимых на защиту; с. 40-41). В то же время справедливо отмечается, что в ряде положений статей 2 и 21 ТК РФ фокус смещен в сторону возмещения вреда, а не акцентирован на профилактическом направлении. Авр отмечает этот недостаток российского законодательства и формулирует ряд предложений по его совершенствованию (с. 92-93).

Еще один важный вывод вытекает из того факта, что гарантии и компенсации при несчастном случае на производстве не исчерпываются только лишь возмещением вреда здоровью, в их содержание включаются также и общие и организационные гарантии (п. 2 положений, выносимых на защиту). На этом основании к составу организационных гарантий относятся, к примеру, законодательное установление понятия и квалифицирующих

признаков несчастного случая на производстве, процедур расследования несчастного случая на производстве и оформления результатов расследования, а также способов защиты трудовых прав пострадавших и мер ответственности работодателя, что делает правовое регулирование соответствующих отношений лишенным неопределенности, полным и всесторонним, а также исключая произвольное усмотрение участников правоотношений.

Указанные и все иные положения, выносимые на защиту, обоснованы, приведенные в работе аргументы достоверны, основаны на изучении значительного числа источников, включая как научные работы, так и правоприменительные акты и судебную практику.

Однако ряд положений диссертационного исследования вызывает несогласие либо требует уточнения.

1. Автор солидаризируется с теми учеными, которые считают основным признаком, позволяющим отграничить юридическую ответственность от всех остальных мер защиты прав граждан, наступление негативных последствий для нарушителя (с. 173). Негативные последствия для причинителя вреда здоровью, несущего ответственность имущественного характера, должны обязательно выражаться в уменьшении его имущества. Однако, как справедливо указывает В.Ю. Егорова, суммы страхового возмещения, на которые работники имеют право при несчастном случае, *не воздействуют* на имущественную массу работодателя, и он не претерпевает никаких негативных последствий в результате своих действий, даже если по итогам расследования несчастного случая на производстве установлена его вина (там же). Возникает справедливый вопрос, на который в работе ответа не дается: а в чем тогда выражается ответственность за вред здоровью, которую несет работодатель перед пострадавшим работником? Либо обязанность возместить причиненный вред нельзя рассматривать как ответственность, либо эту ответственность несет иное лицо, а не причинитель вреда? Ни то, ни другое не будет соответствовать законодательству. Представляется, что здесь можно

воспользоваться конструкцией страхования риска ответственности, рассматривая обязательное социальное страхование от несчастного случая на производстве не только как страхование имущественных интересов застрахованных лиц, связанных с утратой этими лицами здоровья, профессиональной трудоспособности либо их смертью вследствие несчастного случая на производстве или профессионального заболевания, но и как страхование риска ответственности работодателя по обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда жизни и здоровью работников в процессе осуществления ими трудовой деятельности. При таком подходе обязанность возместить вред здоровью будет нести страховщик (Социальный фонд России), а работодатель будет нести гражданско-правовую ответственность за причиненный вред в части, не покрываемой страховым возмещением.

Кстати, В.Ю. Егорова полагает, что этот вид ответственности носит трудо-правовую природу, является одним из видов материальной ответственности работодателя, и предлагает рассматривать ее как один из случаев незаконного лишения возможности трудиться применительно к ст. 234 ТК РФ (с. 178), что представляется спорным хотя бы на том основании, что такая ответственность предполагает наличие вины работодателя, в то время как вред здоровью подлежит возмещению независимо от вины.

2. На с. 17-18 работы дается противоречивая оценка сложившейся правоприменительной, в том числе судебной, практике «расширения границ» несчастного случая на производстве, заключающейся в расширении круга лиц, участвующих в производственной деятельности работодателя, а также в изменении привычных границ рабочего времени, места работы и характера заданий работодателя. По мнению В.Ю. Егоровой, такой подход, с одной стороны, служит защите прав пострадавшего субъекта, но, с другой стороны, приводит к правовой неопределенности и нарушению устойчивости системы профилактики производственного травматизма. И то, и другое совершенно верно. Но, во-первых, как может сложиться такая правоприменительная

практика, если ст. 227 ТК РФ содержит *исчерпывающий* перечень лиц, участвующих в производственной деятельности работодателя, а ст. 3 Федерального закона № 125-ФЗ - четкое определение понятия несчастного случая на производстве? Правоприменители выходят за пределы, установленные императивно в нормативном правовом акте? Но можно ли практику следует признать правомерной, даже при наличии в ней каких бы то ни было положительных проявлений? А во-вторых, если уж мы находим в ней какие-то преимущества для пострадавшего субъекта, то не следует ли изменить регулирование, предложив соответствующие корректировки в нормативные правовые акты?

3. Анализируя международные стандарты возмещения вреда, причиненного жизни и здоровью в процессе трудовой деятельности (параграф 1.1), автор акцентирует внимание исключительно на актах Международной организации труда. Однако такого рода стандарты закреплены не только этими актами, но и иными, в том числе актами региональных международных организаций с участием Российской Федерации. Речь идет прежде всего об актах СНГ и ЕАЭС, в том числе о Соглашении о порядке расследования несчастных случаев на производстве, происшедших с работниками при нахождении их вне государства проживания 1994 года, Модельном законе об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний 1998 года, Соглашении о порядке расследования несчастных случаев на производстве, произошедших с гражданами одного государства – члена ЕАЭС при осуществлении трудовой деятельности на территории другого государства – члена ЕАЭС 2014 года, закрепивших порядок применения основных положений обязательного социального страхования при участии иностранных субъектов. На наш взгляд, анализ этих актов позволил бы выйти на новые аспекты рассматриваемой проблемы.

4. В п. 8 положений, выносимых на защиту, предлагается отказаться от имеющегося порядка определения вины пострадавшего и от порядка ее учета

при определении размера страхового обеспечения, заменив его унифицированной нормой - снижение размера ежемесячной страховой выплаты во всех случаях наличия грубой неосторожности потерпевшего на 25 процентов. Целесообразность такого подхода кажется весьма сомнительной, поскольку при нем очевидно будет преобладать карательный момент - пострадавший будет наказан за сам факт деяния с виной в форме грубой неосторожности, а не учет степени влияния его вины, которая может быть и минимальной, на происшествие. Такой подход не только не будет соответствовать общеправовому принципу справедливости, но и несоразмерно снизит уровень гарантий для пострадавшего лица.

5. Говоря о видах ответственности работодателя за вред, причиненный жизни и здоровью в процессе трудовой деятельности (параграф 3.2) В.Ю. Егорова упоминает в том числе и административную ответственность, приводя положения ряда частей ст. 5.27.1 КоАП РФ о таких видах административных правонарушений, как непроведение специальной оценки условий труда на рабочем месте, допуск работника к исполнению трудовых обязанностей без прохождения предварительного и периодических медицинских осмотров, необеспечение работников средствами индивидуальной защиты. Но можно ли в этих случаях говорить об ответственности за вред, причиненный здоровью, если наличие такого вреда не является элементом объективной стороны этих правонарушений? В отличие, например, от ответственности по ст. 15.34 за сокрытие страхового случая, что препятствует реализации застрахованным лицом права на страховое обеспечение и потому может рассматриваться как одна из гарантий реализации этого права.

Вместе с тем, указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом—имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.1.3 Частно-правовые (цивилистические)

науки), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова. Диссертационное исследование оформлено согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Основные положения диссертации отражены в опубликованных в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности 5.1.3.

Таким образом, соискатель Егорова Варвара Юрьевна заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.3 Частно-правовые (цивилистические) науки.

Официальный оппонент:

кандидат юридических наук,
доцент кафедры трудового и социального права
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Санкт-Петербургский государственный университет»
Филиппова Марина Валентиновна

13.03.26

Контактные данные:

тел.: 7(921)9504681, e-mail: m.v.filippova@spbu.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:

12.00.05 - трудовое право; право социального обеспечения

Адрес места работы:

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9

Санкт-Петербургский государственный университет

Тел.: +7 (812) 363-68-26 e-mail: dekan.law@spbu.ru

Краснова Е.П.
13.03.2026